

Терроризм: очень своевременный противник

В хронике разворачивающейся антитеррористической кампании 6 июня 2005 года – примечательный день. Не менее знаменательный, чем 29 июля 2005-го или 12 сентября 2007-го. Неужели между тремя этими датами существует связь? Да, существует.

Первую отделяют от 11 сентября 2001 года столько же дней и ночей, сколько минуло за период от нападения Японии на Перл-Харбор до подписания ею акта о безоговорочной капитуляции на борту американского линкора «Миссури». Вторая дата отстоит от сентябрьских событий на такой же отрезок времени, который прошел между вторжением германских войск на территорию СССР и взятием Берлина. Третья же придется на окончание промежутка в шесть лет и один день – ровно столько продолжалась самая кровавая в истории Вторая мировая война.

При этом, к сожалению, ничто не свидетельствует о том, что агрессия в отношении «свободного мира», совершенная осенью 2001-го, отражена столь же эффективно, а противник разгромлен столь же убедительно, как в войне, закончившейся 60 лет назад. Устойчивого сокращения числа террористических атак в мире не наблюдается. Практически невозможно подсчитать, сколько средств расходуется в мире на борьбу с террористической угрозой. Но если предположить, что государства, противостоящие террору, тратят на эти цели 40 % прироста своих военных бюджетов, то соответствующие расходы за 2001–2004 годы составят не менее 400 млрд долларов. При этом события в данной исторической драме развиваются таким образом, что «все прогрессивное человечество» начинает сомневаться: действительно ли необходимо доводить до конца «правое дело», инициированное «коалицией решительных», и так ли уж искренни намерения составляющих ее государств?

К сожалению, сегодня дело зашло слишком далеко. Тем важнее осознать, с чем мы все столкнулись, на что решились, каковы в сложившейся ситуации шансы на успех и у нас самих, и у тех, кого мы поспешно назвали (и стремительно сделали) своими врагами. Это необходимо всем нам.

ПОКАЖИТЕ МНЕ ВРАГА

Понятие «терроризм» не имеет однозначного толкования. Обычно его определяют как любые насильственные действия против гражданского населения, направленные на провоцирование паники и нагнетание чувства страха и незащищенности в обществе, дестабилизацию социальных институтов. По мнению экспертов Государственного департамента США, терроризм – это «предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию». Между тем такое определение крайне редко применяется при оценке происходящих событий; намного чаще за терроризм выдаются преступные действия, которые, строго говоря, не могут и не должны рассматриваться в качестве проявлений террористической активности.

Так, ежедневно в репортажах из Ирака или с Северного Кавказа сообщается о таких «терактах», как подрыв автомобиля у ворот военной базы или расстрел из засады автомашины с военнослужащими. Подобные действия, однако, нельзя считать террористическими в прямом смысле слова, как, скажем, никогда не считались терроризмом вылазки партизан против оккупационных войск. Почему, например, убийство президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова 9 мая 2004 года считается террористическим актом, а убийство германского протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха 27 июня 1942-го – успешной операцией сил Сопrotивления? И если стало привычным говорить об убийстве народовольцами российского императора Александра II (1881) как об успехе террористов, то почему никто не рассматривает таким же образом убийство президента США Авраама Линкольна в 1865-м? И это далеко не все возможные вопросы.

Как правило, к террору прибегают три типа политических сил, каждый из которых преследует свои цели.

Во-первых, это социальные движения, не имеющие широкой общественной поддержки; они применяют террористические методы, чтобы вызвать своими действиями большой общественный резонанс. Примерами

могут служить «Народная воля» в России конца XIX века, а в XX столетии – итальянские «Красные бригады» в 1970-е годы, «Тупак Амару» в Перу в 1990-е и т. д. В большинстве случаев террористические вылазки не прибавляли этим группировкам симпатий граждан, и правительства успешно их подавляли.

Во-вторых, это движения меньшинств или угнетенных народов, стремящихся к независимости и самоопределению. Посредством террористических актов они пытаются заставить колонизаторов уйти с земли, которую считают исконно своей. Так действовали алжирские террористы во Франции в 50-е годы прошлого века, палестинские террористы в международном масштабе в 1960–1990-е, чеченские боевики в российских городах на протяжении последнего десятилетия. История показывает, что правительства в конце концов вынуждены идти на удовлетворение требований таких группировок.

В-третьих, это религиозные или квазиидеологические движения, целью которых является добиться либо невмешательства в дела тех или иных государств, регионов или религий, либо доминирования своих верований и идеологий над другими религиозными и общественными принципами. От первого, тоже идеологизированного типа они отличаются прежде всего масштабом деятельности и социальной поддержки, а также глубиной идеологических корней. К подобным движениям относятся исламские террористы, объединенные в организованные группы, такие, как, «Аль-Каида», ХАМАС, «Хезболла», «Ансар-аль-Ислам». В первую очередь «война с терроризмом» объявлена именно этим группам и организациям.

Противодействие каждому из названных типов терроризма обеспечивается по-разному. В первом случае это прежде всего максимально эффективное использование сил правопорядка и обычных механизмов борьбы с тяжкими правонарушениями. Террористическая организация, задумавшая, например, убийство известного политика, мало чем отличается от преступной группировки, замышляющей устранение лидера конкурентов. Второй случай более сложен, в частности потому, что Организация Объединенных Наций подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, любых имеющихся в их распоряжении методов борьбы за самоопределение и независимость» (резолюция Генеральной Ассамблеи № 2908 от 2 ноября 1972 года «О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством»). Строгое же разграничение легитимной борьбы за самоопределение и того, что сегодня предпочитают называть сепаратизмом, вряд ли возможно. Поэтому основным «оружием» в борьбе с терроризмом второго типа оказываются переговоры со стоящими за ним политическими силами. В свое время ставку на переговоры делал и французский президент Шарль де Голль, решая алжирскую проблему, и английский премьер Тони Блэр в поисках мира в Северной Ирландии. Заметные успехи достигнуты в Испании: в Стране Басков уровень насилия за последние годы понизился в несколько раз. Активизировался и ближневосточный мирный процесс, что связано с приходом к власти нового палестинского лидера Махмуда Аббаса.

И наконец, борьба с третьим типом терроризма, наименее изученным и осмысленным, должна, очевидно, строиться прежде всего на глубоком анализе целей и задач террористов, который, между тем, отсутствует у большинства «борцов против террора».

Итак, вооруженная борьба за самоопределение и национальную независимость, если даже в ней применяются методы, не предусмотренные конвенциями о способах ведения войны (как, например, на Западном берегу реки Иордан, в Чечне или Ираке), не может считаться террором. Не являются примерами терроризма и нападения на военнослужащих оккупационных армий. К террористической активности неправильно относить также отдельные насильственные акции, объектом которых оказываются военные или политические руководители «противника» (к примеру, обстрел багдадской гостиницы, где остановились американские чиновники). Ведь терроризм направлен против гражданского населения, то есть против тех, кто не причастен к политике, спровоцировавшей действия террористов.

Таким образом, война с терроризмом – это скорее миф, созданный современными политиками с целью найти оправдание своим агрессивным стремлениям. Мир нуждается не в объявлении войны непонятному врагу, а в первую очередь в изучении природы террористических движений, мотивов действий террористов, наконец, в определении того, каковы предпосылки устранения этого явления.

Сегодня главную угрозу западный мир усматривает в мусульманском терроризме. Атакуя 11 сентября 2001 года здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне, боевики «Аль-Каиды», весьма вероятно, стремились тем самым восславить Аллаха и нанести удар по тем символическим центрам, откуда осуществлялось экономическое и военное вмешательство в дела «правоверных». Более конкретных целей они перед собой, скорее всего, не ставили. (Во многом именно поэтому службы безопасности США и других западных стран не смогли воспрепятствовать нападавшим. Не понимая намерения противника, нельзя предположить, где и каким образом будет нанесен удар.)

Однако последствия террористических актов 11 сентября оказались куда более масштабными, чем те, на которые надеялись их организаторы, движимые только слепой ненавистью к западному миру. Вторжение войск антитеррористической коалиции в Афганистан и – еще в большей мере – американская агрессия в отношении Ирака позволили лидерам «Аль-Каиды» представить «войну с терроризмом» как войну Запада с исламским миром, на что, заметим, имелись веские основания. Как отмечает Джордж Сорос, «объявив войну терроризму и вторгнувшись в Ирак, президент Буш сыграл на руку террористам», и если террористы «ждали от нас той реакции, которая в действительности последовала, то, по-видимому, они понимали нас лучше, чем мы сами понимаем себя». Не менее крупной ошибкой развитых стран стала их готовность рассматривать происходящее на Северном Кавказе и палестинских территориях как битву на фронтах глобальной антитеррористической войны. Тем самым фактически оказались смешаны «в одну кучу» два совершенно разных процесса: с одной стороны, бескомпромиссная борьба исламских фундаменталистов с фундаменталистами западными, а с другой – очевидные, хотя и спорные с политической точки зрения, попытки чеченского и палестинского народов повысить степень своей автономии и суверенитета. Собственно говоря, не столько трагедия 11 сентября, сколько ответные действия Запада создали – практически из ничего – ту глобальную «террористическую коалицию», которой развитый мир мало что может сегодня противопоставить. Эта аморфная структура, а точнее, масса слабо связанных между собой полуавтономных группировок и движений, и есть тот «враг», против которого идет нынешняя «война».

Отсюда возникает, пожалуй, наиболее важный вопрос, которого всячески избегают апологеты «войны с терроризмом»: кто в этой «войне» выступает субъектом, а кто – объектом агрессии? Даже в наиболее сложном случае, ближневосточном, любой непредвзятый наблюдатель засвидетельствует, что Израиль подвергался нападениям со стороны своих арабских соседей, но в отношении палестинцев он сам оказывался агрессором. Следствие очевидно: еврейское государство борется сегодня не с египетскими или иорданскими, а с палестинскими террористами. В случае с Чечней дело обстоит так же: декабрьский указ 1994 года санкционировал ввод российских войск на территорию Чеченской Республики, что привело к многотысячным жертвам с обеих сторон. В ситуации с «Аль-Каидой» вряд ли правомерно вести речь об агрессивных действиях США, однако в то же время нельзя не признать, что с середины 1970-х американские военные базы находятся в Саудовской Аравии, Катаре, Бахрейне, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане и многих других странах региона, а никак не арабские – вблизи Вашингтона. При этом большая часть нападений на граждан США в странах Ближнего Востока направлена против военнослужащих или работников официальных представительств Соединенных Штатов.

Таким образом, современный всплеск терроризма обусловлен тем, что арабский мир все сильнее ощущает враждебное отношение к исламу со стороны западной цивилизации, прежде всего в американской ее версии. Причем реакция западного мира на события 11 сентября 2001 года лишь способствовала появлению «единого антитеррористического фронта», подтолкнув экстремистов к сплочению.

ПРИЧИНЫ АКТИВИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ

После террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне западные политики и эксперты незамедлительно принялись искать причины, побудившие «Аль-Каиду» к столь внушительной демонстрации собственной силы. Практически сразу же прозвучали мнения о том, что активизация терроризма связана с усиливающимся экономическим разрывом между Севером и Югом; начались поиски корней терроризма в характере и специфических чертах ислама.

Однако истоки современного терроризма – не в экономическом неравенстве. Это становится очевидно при сравнении западного мира с наименее развитыми африканскими государствами: тропическая Африка в последнее время более известна кровопролитными внутренними войнами и этническими чистками, чем террористическими организациями. Из 261 террористической или военизированной организации только 64 приходится на этот регион, причем 30 из них действуют в Судане, Эфиопии, Эритрее, Сомали и Демократической Республике Конго, где продолжаются гражданские войны. Ни одна африканская террористическая организация не осуществляет терактов за пределами своей страны. Бедные страны Латинской Америки, где в 1970-е и 1980-е годы происходило наибольшее число террористических вылазок, также практически не участвуют в современном международном терроре.

В то же время исламский мир, который сегодня признан основным источником террористической угрозы, остается весьма богатым регионом, а наиболее известные международные террористы – это выходцы из вполне благополучных в материальном отношении слоев населения. Более того, сама террористическая деятельность обеспечивает ее участникам серьезные доходы (по некоторым оценкам, размеры так называемой новой экономики террора (the New Economy of Terror) составляют до 1,5 трлн дол., или 5 %

мирового валового продукта.

Точно так же современный терроризм не обусловлен политическим противостоянием двух частей мира. Под политикой сегодня, как правило, понимают активность, в той или иной мере связанную с действиями государственных институтов. Напротив, террористические движения всегда возникали как негосударственные структуры, и именно государства, как наиболее значимые символы власти, обычно оказывались объектом их агрессивных действий. Как подчеркивает, например, профессор Нью-Йоркского университета Ной Фелдмен, уже сами разговоры о «государственном терроризме» «решительно наводят на мысль и наглядно свидетельствуют о том, что употребляемое нами в обычном смысле понятие “терроризм” включает лишь негосударственное насилие». Эту точку зрения разделяет ныне большинство экспертного сообщества. Достаточно уверенно можно утверждать, что подобная ситуация сохранится и впредь: в условиях начавшейся «войны с террором» негосударственный характер террористических группировок обеспечивает им серьезные преимущества. Вместе с тем отождествление террористической организации с неким государством, напротив, грозит тому самыми тяжелыми последствиями (как произошло с Афганистаном).

На мой взгляд, основные причины современной волны терроризма кроются не столько в объективной реальности нашего времени, сколько в восприятии ее широкими массами населения, в частности, в мусульманском мире. Западная цивилизация, несомненно, доминирует на планете, но доминирует весьма специфическим образом – минимизируя свои контакты с теми, кто к ней не относится. Торговля со странами Африки, Ближнего Востока и Азии (исключая Китай и других азиатских «тигров») обеспечивает не более 9 % товарооборота Соединенных Штатов и государств Европейского союза. Более 2/3 стоимостного объема этой торговли приходится на нефть и нефтепродукты. Инвестиции США и ЕС в эти регионы поддерживаются на минимальном уровне: не более 1,8 % совокупного американского и около 4 % совокупного европейского объемов.

Сами арабские государства, начав в 1960-е бурную модернизацию, вскоре столкнулись с перспективой более «легкого» существования за счет экспорта нефти; те из них, которые недавно считались наиболее развитыми – Египет и Сирия, оказались в новой ситуации аутсайдерами. Запад, и в первую очередь США, ничего не сделал для поддержки своих сторонников в этом регионе, предпочитая использовать тактику грубого нажима. В то же время культурное проникновение Запада шло в регионе не менее активно, чем повсюду в мире. Поэтому неудивительно, что местное население постепенно стало видеть в Америке враждебную силу – такую, которая поддерживает Израиль, укрепляет свое военное присутствие в регионе, проповедует образ жизни, всегда казавшийся недоступным большинству арабского населения, наконец, находится на стороне полуфеодальных режимов, не пользующихся большой поддержкой собственных подданных. Запад в глазах мусульман непобедим в военном отношении, недостижим по экономической мощи, но при этом пользуется их богатствами и сбивает их с пути, указанного предками. Сегодня часто цитируют знаменитую фатву Усамы бен Ладена от 23 февраля 1998 года, в которой говорится: «Убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – личный долг каждого мусульманина», – но при этом забывают о том, что война американцам была объявлена «для того, чтобы их армии, потерпевшие поражение и неспособные угрожать мусульманам, убрались со всех земель ислама». В такой атмосфере людям проще пойти за толпой, чем сделать разумный индивидуальный выбор.

Население большинства государств арабского мира, безусловно, ставит коллективную самоидентификацию выше свободы индивидуального выбора. Связано ли это с исламскими традициями, на чем настаивают многие исследователи, для данного анализа не играет большой роли. Важнее то, что здесь Запад выступает в качестве той «чуждой» силы, противостояние которой сплачивает народы Ближнего Востока, еще не имеющие подлинной национальной идентичности. Более того, чем активнее западный мир (и в первую очередь США) будет насаждать в этом регионе принципы личностной автономии и политической демократии, тем сильнее будет укрепляться исламская оппозиция и тем меньше останется шансов для того, чтобы западные ценности овладели умами и сердцами местного населения.

Современный терроризм, разумеется, не сможет навязать западному миру пересмотр его основополагающих принципов; он, конечно же, не приведет к возникновению «всемирного халифата», о чем для красного словца заявляют некоторые исламские проповедники. Собственно говоря, террористы и не ставят перед собой таких задач и целей. Их стремления намного скромнее: они прежде всего хотят, чтобы Запад перестал устанавливать свои порядки за пределами собственных границ. И эти требования, по сути, трудно не признать справедливыми.

ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день Запад во главе с Соединенными Штатами, государством, превосходящим по мощи

величайшие империи прошлого, пока не добился ощутимых результатов в борьбе с противником, который применяет против него «оружие слабых», то есть террор.

Способен ли Запад победить в этой так называемой «войне с терроризмом»? Какие последствия для всего мира будет иметь взаимная эскалация «террористического» и «антитеррористического» насилия? Сохранятся ли нынешние международные институты, или они станут жертвами (пусть даже случайными) этой схватки?

Эти вопросы, весьма актуальные, практически никогда не поднимаются идеологами «войны с террором». Во-первых, глобальный террор – новое, неисследованное явление для западных политологов и социологов. Кроме того, западные эксперты настолько уверовали в неизбежность распространения демократии в мире, в преобладание в человеческом сознании индивидуалистических стремлений, в торжество рационального начала над иррациональным, что это мешает им охватить весь комплекс проблем, порождающих современный мусульманский терроризм.

Во-вторых, сегодня не видно особой потребности найти ответы на многие актуальные вопросы. Для современной политики, предельно инструментализированной и в значительной мере лишенной стратегического видения, всплеск терроризма оказался, как ни кощунственно это звучит, весьма кстати. Политики, мыслящие «от выборов до выборов» формулами типа «кто не с нами, тот против нас», охотно воспользовались террористической угрозой для «дисциплинирования» населения, а также для манипуляции сознанием и симпатиями избирателей. Борьба с абстрактным «международным терроризмом» является для них превосходным средством продемонстрировать своему народу сложность решаемых задач, собственную активность и ответственность.

Если глубоко задуматься над перечисленными проблемами, окажется, что поводов для оптимизма немного.

У Запада очень мало шансов на победу. В первую очередь потому, что ему приходится иметь дело не столько с экстремистскими вылазками единичных бандитов, сколько с феноменом, за которым прежде всего стоит стремление народов к самоопределению или обретению собственной идентичности, то есть определенные цивилизационные ценности. Но история свидетельствует, что на протяжении второй половины XX столетия Запад проигрывал все войны, в которых противная сторона боролась за свою независимость или за возможность состояться как культурная общность.

Помимо этого население западных стран сегодня убеждено в том, что «демократия» (то есть западные представления о свободе и справедливом обществе) должна укорениться повсюду. Однако смириться с навязанными извне представлениями о свободе – значит перестать быть свободным самому, и этого на Западе, похоже, не понимают и не хотят понимать. Утверждая, что террористы – это враги свободы, западные лидеры безнадежно заблуждаются и вводят в заблуждение тех, кто следует за ними. Нет, террористы борются не против свободы, а за свободу своих народов не прислушиваясь к чужим советам.

Здесь на память приходит один пример, прекрасно показывающий всю примитивность мышления американского политического класса, выступающего ныне лидером в «войне с террором». В 60-е годы прошлого века чернокожие американцы начали масштабную кампанию борьбы за отмену расовой сегрегации, утверждая, что ничем не отличаются от белых. Однако сорок лет спустя те же афроамериканцы настаивают на своей «особости» и требуют квот в университетах и налоговых поблажек, дополнительного финансирования социальных программ и т. д. И что? Правительство вводит систему affirmative action (речь идет о принятом в 2003-м решении Верховного суда США оставить в силе Программу позитивных действий, предоставляющую льготы, в частности, расовым меньшинствам. – Ред.), прямо противоречащую, как отмечают многие социологи, фундаментальным принципам либерализма. В 1960-е годы новые независимые страны тоже хотели быть «такими, как все». Но они потерпели неудачу и теперь апеллируют к собственной исключительности. Почему же американские политики, соглашаясь с претензиями собственных чернокожих на «особость», игнорируют аналогичные претензии со стороны арабского мира?

Кроме того, противодействуя Западу, террористы используют заимствованное у него же оружие. Так, главная, как считается, трудность борьбы с террористами обусловлена «сетевым» характером их структур, успешно противостоящих традиционной тактике армий и спецслужб. Но на самом деле террористы ничего не изобрели. Они лишь взяли на вооружение средство, с помощью которого стремящийся к экономической экспансии Запад не первый год повышает эффективность деятельности своих транснациональных корпораций. Разве не говорили в США и Европе с придыханием о долгожданном приходе « сетевого общества»? Оно пришло.

Таким образом, не осмыслены в должной мере ни цели террористов, ни их методы. Однако существует и гораздо более сложная проблема – мотивация террористического движения. Дело в том, что отдельные

террористические акции, как правило требующие от их исполнителей самопожертвования, нередко являются не жестом отчаяния и не проявлением мужества, а актом личного спасения! Будучи религиозным фанатиком, террорист-смертник действует рационально – ведь убийство десятков «неверных» открывает ему прямую дорогу в рай, что для него гораздо важнее, чем деньги, которые могли быть обещаны его семье или близким. Тем удивительнее, что большинство «борцов с терроризмом» не устают говорить о гигантских суммах, идущих на финансирование террора, о множестве наемников, проникающих в Ирак или Чечню, а также о своих успехах в перекрытии каналов финансирования террористов. Между тем разрушение башен-близнецов вкупе с атакой на Пентагон обошлось его исполнителям не более чем в 500 тыс. дол., в то время как объемы возрожденной торговли опиумом в Афганистане исчисляются миллиардами, а российская помощь «законному» чеченскому правительству – сотнями миллионов долларов. Так что террористы борются отнюдь не за финансирование...

Современные террористы либо воспитаны в обстановке перманентной незащищенности и неуверенности в будущем, либо добровольно обрекли себя (что относится прежде всего к их лидерам) на жизнь в подобных условиях. Еще в 1993-м известный палестинский экстремист Абу Махаз пояснил: «Мы – террористы, да, мы – террористы, потому что это наша судьба». Усиление «лобовой» атаки на террористическое движение может только расширить его ряды и ожесточить его участников, возбуждая в них чувство религиозной и этнической солидарности. Большинство же граждан западных стран не намерены лишаться ни личных свобод, ни материального благополучия и потому будут поддерживать борьбу с терроризмом только до тех пор, пока она не окажется чревата серьезными политическими и экономическими потрясениями. Поэтому удары террористов будут разваливать антитеррористическую коалицию; удары же по террористам – лишь укреплять их ряды.

Прошедшие с начала «войны с террором» почти четыре года показывают, что для поддержки этой войны населением западных стран необходимы весомые доказательства достигнутого прогресса. Пока еще такими свидетельствами могут служить свержение режима «Талибан», разгром лагерей «Аль-Каиды» и освобождение Афганистана, отстранение от власти Саддама Хусейна и оккупация Ирака войсками союзников. Однако эти достижения обошлись США и присоединившимся к ним странам в сотни миллиардов долларов, а дальнейшие перспективы туманны. Поток наркотиков из Афганистана растет, положение в Ираке не стабилизировалось, агрессивность США вызывает вполне понятное стремление других стран обеспечить себе доступ к ядерному оружию. Ситуация в Саудовской Аравии и в Пакистане, единственной мусульманской стране, обладающей оружием массового поражения, остается взрывоопасной. «Война с террором» приводит и к косвенным издержкам – от роста цен на нефть до кризиса на рынке авиаперевозок и туризма. Через некоторое время западный бизнес, пока еще радующийся новым военным заказам и увеличению государственных расходов на безопасность, ощутит, что инициированная американцами авантюра просто никому не выгодна. И террористам сегодня достаточно лишь поддерживать на Западе истерию, запущенную самими же западными лидерами, чтобы со временем увидеть крах их политики.

Кроме того, «война с террором» наносит ущерб единству западного мира. Так, американское вторжение в Ирак начиналось весной 2003 года в условиях беспрецедентного раскола мира на два лагеря – сторонников и противников кампании Соединенных Штатов. Давно назревшая реформа ООН, можно предположить, провалится именно по причине того, что в Соединенных Штатах, России и отчасти Великобритании к нынешним угрозам и вызовам относятся иначе, чем в континентальных европейских странах. Восприятие собственного государства в качестве «осажденной крепости», а остальных стран как звеньев разного рода «осей зла» непродуктивно и ведет лишь к расширению поля для конфликтов и противоречий.

Таким образом, новый раунд «войны с террором» закончится поражением Запада.

ИСТИННЫЕ ЦЕЛИ И НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ

«Война с террором» не могла не начаться. Прежде всего потому, что политики во всем мире крайне нуждались во враге, отвечавшем ряду критериев. «Правильный», с точки зрения современных деятелей, враг – это тот, кто представляет собой опасность, кто не связан с ведущими западными странами. Его место там, куда можно наносить безответные удары; его нельзя увидеть; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности – оставаться неопределимой; наконец, необходимость войны с ним должна оправдывать серьезные ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на нее не должно вызывать возражений у населения.

Все эти критерии идеально воплощены в «международном терроризме». В политике последних лет данное понятие сыграло ту же роль, что и понятие «глобализация» – в хозяйственной практике последних десятилетий. Если вспомнить историю, окажется, что до середины XX столетия взаимодействие между

Европой и США, с одной стороны, и остальным миром – с другой, именовалось «вестернизацией», которая, как считалось, универсальна по своему временному характеру и географическому охвату. Причем модель технологического общества со всеми его атрибутами – от массового потребления до либеральной демократии – оценивалась как в принципе легко воспроизводимая и поэтому всеобщая. Однако эта «всеобщая» модель предполагала и ответственного за ее повсеместное насаждение – Запад. Тот факт, что именно в последние десятилетия зафиксирован невиданный рост мирового неравенства, не волнует адептов глобализации. Гораздо важнее иное: любую экономическую проблему можно сегодня объяснить объективным процессом глобализации и, как говорится, «умыть руки». Понятие «международный терроризм» дало политикам такой же инструмент ухода от реальности (и от ответственности), какой получили экономисты с появлением термина «глобализация». Было бы наивно полагать, что политики не воспользуются этой новой возможностью.

«Война с террором» – это то, в чем кровно заинтересованы правящие элиты и руководители всех без исключения вовлеченных государств – Соединенных Штатов и России, Великобритании и Польши, многих других. Им необходимо раздувание террористической угрозы и уничтожение все новых и новых террористов. (Причем именно уничтожение, как мы видели это на примере Аслана Масхадова, а не предание их гласному и справедливому суду, о чем так много говорится.) Им требуется наращивание военных расходов и, как отмечалось выше, ограничение гражданских прав, а также многое другое... Так что этой войне не суждено завершиться быстро. Даже если антитеррористическая коалиция в ее нынешнем виде и прекратит свое существование (а в этом у меня практически нет сомнений), то сама «борьба» в разных ее формах будет продолжаться.

Но кровавые акции террористов, конечно же, не должны оставаться безответными. При этом в борьбе с террористической угрозой необходимо соблюдать несколько очевидных и неоспоримых правил.

Во-первых, нужно провести четкую грань между вооруженными формированиями, сражающимися за самоопределение и независимость своих народов, и террористами, действующими во имя идеологических и религиозных целей. Если в первом случае, как уже было сказано, наиболее эффективным средством решения проблем являются переговоры, то во втором переговорный процесс вряд ли возможен. Да в нем и нет необходимости – ведь требования террористов из «Аль-Каиды» или «Исламского джихада» не предусматривают политических договоренностей. Исламские экстремисты не представляют собой той политической силы, с которой возможны переговоры. Они не могут взять на себя внятных обязательств. Нет никакой возможности оказать на них давление при несоблюдении ими достигнутых договоренностей. В общем, все они – не сторона на переговорах.

Во-вторых, даже признавая необходимость отказаться от переговоров, нельзя утверждать, что конечной целью войны с террористами является их истребление. Чем активнее ликвидируются отдельные террористы, тем больше весь народ проникается целями и задачами их движения; примером тому может служить обстановка на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также в Чечне.

Поэтому подходы к борьбе с терроризмом должны различаться в зависимости от того, где проходит «линия фронта». Если противостояние террору происходит на территории западных стран, теракты следует квалифицировать как тяжкое преступление – убийство или покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами. Соответственно террористов надлежит обезвреживать, а в их организации – внедрять агентов; следует перекрывать каналы поступления к ним денег и оружия, а приток иммигрантов из стран, где расположены «основные силы» главных террористических организаций, – ограничивать. Мониторинг иммигрантов и выходцев из таких стран необходимо на определенный период времени признать хотя и неприятной, но вынужденной, а потому допустимой мерой. Об эффективности таких мер говорит пример США, где после 11 сентября 2001 года не зафиксировано ни одного террористического акта. И причиной тому – усилившиеся меры внутренней безопасности, а отнюдь не сокращение числа боевиков «Аль-Каиды».

Если же борьба с террором ведется за пределами Запада, требуется выработать и принять жесткие правила отношений с государствами, на территории которых активно действуют террористические группировки. Эти государства (а к ним, несомненно, относятся многие ближневосточные страны) должны быть лишены всякой помощи со стороны развитого мира; следует полностью отказаться от практики продажи им любых систем вооружения; предупредить о недопустимости обладания оружием массового поражения (причем, например, к Пакистану это относится даже в большей степени, чем могло бы относиться к Ираку), ограничить торговое и экономическое сотрудничество с ними и т. д. Если народы этих стран предпочитают сохранять свой образ жизни, традиции и религиозную «чистоту», им не нужно препятствовать. Напротив, показательное «отступление» Запада из данного региона при жестком недопущении перенесения исламского джихада на территорию развитых стран вызовет проблемы у самих мусульманских экстремистов, не имеющих никакой позитивной программы. Как показывает пример отстающих государств, наиболее эффективный способ

дискредитировать популистские движения – позволить последним добиться провозглашаемых ими целей. «Бросив исламский мир на произвол судьбы», мы отнюдь не предадим идеалы свободы и гуманизма. Западные ценности будут усвоены не там, куда Западу хватит сил их донести, а там, где на них возникнет реальный и осмысленный спрос. Свобода важна не сама по себе – гораздо важнее завоеванная и выстраданная свобода. Пока мусульманские народы не ощутят потребность в западных ценностях, не возжелают свободы, навязать им их будет невозможно да и, замечу, не нужно.

Автор: Владислав Иноземцев © ПОЛИТ.РУ ТЕРРОРИЗМ, МИР 👁 2868 18.06.2005, 23:29 📌 500
URL: <https://babr24.com/?ADE=22524> Bytes: 34665 / 34665 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)